

Анатолий Степанович Терещенко
Военная контрразведка.
Эпизоды борьбы
Серия «Мир шпионажа»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17060512

*Военная контрразведка. Эпизоды борьбы. / Терещенко А.: Аргументы
недели; Москва; 2015*

ISBN 978-5-9905755-6-1

Аннотация

Эта книга о деятельности старшего поколения военных контрразведчиков в годы Великой Отечественной войны. Сотрудники Особых отделов, а затем легендарного Смерша переиграли хваленые спецслужбы фашистской Германии – абвер и РСХА. Они внесли свою лепту в Великую Победу не менее жаркими операциями на полях невидимых сражений. Книга написана их сравнительно молодым коллегой, который попытался донести до современников их дела, ставшие подвигами, такими нужными сегодня в период крайнего обострения международной обстановки.

Содержание

Предисловие	4
Глава первая	7
Глава вторая	22
Глава третья	33
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Анатолий Терещенко

Военная контрразведка.

Эпизоды борьбы

Предисловие

*Сегодня мы,
И это наша слово,
Погибших и вернувшихся назад,
Мы сами рассказать должны по праву
О нашем поколении солдат...*

Н. Старшинов

70 лет Победы! Как стремителен бег времени...

Рядовым участникам Великой Отечественной войны сейчас за девяносто. Все меньше и меньше остается свидетелей той далекой войны. Армейские чекисты в лице Особых отделов НКВД СССР и военной контрразведки Смерш НКО СССР внесли свой достойный вклад в достижение Великой Победы на полях невидимых сражений со спецслужбами гитлеровской Германии, кто бы и как их ни прессинговал всякого рода недостойными инсинуациями и безобразными пасквилями.

Воспоминаниями оперативников-фронтовиков об операциях по вычислению и преследованию фашистского зверья – агентуры спецслужб Третьего рейха и предателей Родины разного рода – автор решил поделиться с читателями.

Солдаты невидимого фронта рассказывают о своем времени, о своем поколении и о результатах своей деятельности в годы военного лихолетья.

В книге есть их воспоминания и воспоминания о них, не оставивших своих мемуарных повествований. Для этого существуют в России благодарные потомки.

Оставшиеся в живых ветераны и сегодня во власти воспоминаний. И каждый может расписаться под такими поэтическими строками:

*Когда последний взрыв раздался,
Не умерла война во мне:
Я долго, долго оставался
Солдатом в мирной тишине!*

Солдатами в мирной тишине они остаются и живут среди нас. Они видят цветные сны о минувших битвах. Вспоминают погибших однополчан. Разговаривают с ними, как с живыми.

Все они патриоты *своей* Родины, исповедующие слова А.С. Пушкина о том, что «*ни на что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю наших предков, какой нам Бог ее дал*».

К великому сожалению, у нас находятся типы, которым хочется «переменить отечество» и накропать «другую историю наших предков». Бог нам ее дал одну, и она покоится в прошлом. И мы, потомки, не должны дать злопыхателям и недобрым людям очернить ее. Ради живых ветеранов-фронтовиков, которых уже, к великому сожалению, мало, совсем мало. Время забирает их в Бессмертие.

Так и хочется крикнуть – оставайтесь подольше с нами!

Глава первая

Пойман по приметам

Об одной интересной операции, в которую лично внес свой вклад ветеран военной контрразведки, участник Великой Отечественной войны, полковник **Андрей Кузьмич Соловьев**, отдавший службе в органах государственной безопасности более сорока лет, и пойдет речь. Всю войну ветеран провел с войсками в рядах Особых отделов НКВД СССР и ВНР Смерш НКО СССР на Крайнем Севере и в Прибалтике.

В марте 1942 г. контрразведке 14-й армии, оборонявшей Советское Заполярье, стало известно о готовящейся заброске вражеской агентуры в район города Мурманска.

Учитывая, что армия готовилась к крупной наступательной операции, шпионская акция гитлеровцев представляла несомненную опасность. Командующий армией обязал армейских чекистов принять все меры к розыску и задержанию вражеских лазутчиков.

Военные контрразведчики совместно с территориальными органами госбезопасности немедленно ввели в действие всю систему поисково-заградительных мер. Шли дни, а «гости» не появлялись. И лишь в морозное первоапрельское утро одна из групп розыскников задержала в тридцати кило-

метрах от Мурманска в заснеженной тундре подозрительно-го гражданина в красноармейской форме.

Обнаруженные при нем пистолет, крупная сумма денег, чистые бланки документов, а также слабость его легенды, вынудили оперативников арестовать его и допросить с целью дачи правдивых показаний.

– Ну, и сразу он их дал или приходилось «колоть» посланца из-за линии фронта? – поинтересовался автор.

– А куда ему было деваться при такой шпионской экипировке? Он побледнел, затрясся и стал «колоться».

Задержанный оказался агентом абвера Федором Коршуновым, добровольно перешедшим в одном из боев к противнику. А потом известная судьбоносная тропинка – плен, лагерь, работа...

Он понравился немцам своим поведением, поэтому был назначен в лагере полицаем и переводчиком. Затем обучался в разведшколе в эстонском местечке Вихула. А потом вместе с агентами Николаем Прудько и Михаилом Вороновым прошел спецподготовку в финском городе Рованиemi.

Коршунов при допросе показал, что его напарники должны будут переброшены чуть позже и в районе южнее города Мурмаши-Кола. Он подробно описал их внешность. У Воронова никаких особых примет не было, а вот у Прудько в нижней челюсти имелись три стальные коронки. На безымянном пальце левой руки было небольшое родимое пятно, а ноготь мизинца отсутствовал.

После этого закрутилась работа в поисковых группах. Приметы агентов были доведены до всех тех, кто мог столкнуться с ними. Особый отдел 14-й армии выделил группу во главе с майором Чижевским, которой вменялось в обязанности координировать поисковые мероприятия.

– Вы в эту группу входили?

– Да, инструктировал свою агентуру, тыловых командиров, патрулей из комендатуры и тому подобных военнослужащих, которые могли встретиться с лазутчиками.

* * *

В этот день ветер пригнал с Баренцева моря тяжелые свинцовые тучи. Мокрый снег с каплями дождя обжигал лица моряков, дежуривших в порту. Мурманск заволокло многоярусной облачностью. Темень в городе усиливала светомаскировка. Это была мера военного времени, препятствующая прицельному бомбометанию геринговских асов. Лишь изредка пробегали автомобили с «прищуренными глазами» – замаскированными

лучиками, пробивающими жидкий свет через щели на фарах.

Было уже поздно.

Медсестра Клавдия Ивановна готовила к закрытию медпункт неотложной первой помощи. Она в этом помещении жила, т. к. дома не стало – попала бомба. Ютилась в неболь-

шой комнатухе, отведенной под склад. Там были печка и окошко. Давно похоронила мужа – капитана рыболовецкого сейнера, вырастила сына – офицера-подводника Северного флота. Думала – уйдет на пенсию и отдохнет. Но началась война...

Её невеселые мысли прервал стук в дверь. Клавдия Ивановна взглянула на модные в то время ходики, заводимые цепочкой, – было десять вечера.

– Кто там?

– Откройте, пожалуйста! – прозвучал жалобный мужской голос.

– Пункт уже закрыт. Если не срочно – приходите завтра.

– В том-то и дело, что срочно!

Клавдия Ивановна открыла дверь.

На пороге стоял невысокий плотный мужчина в промокшем от моросящего дождя бушлате и в шапке с кокардой торгового моряка.

– Не поможете ли вы моей беде?

– Если смогу...

– Понимаете, глаз у меня разболелся. Когда я прикуривал на ветру, кусочек горячей серы отлетел от спички и угодил в глаз. Я почувствовал боль, а потом она прошла, но появилось жжение... Я стал растирать...

– Вот это напрасно.

Клавдия Ивановна надела очки и стала внимательно изучать состояние раненого глаза. Потом поняв, что ей нужно,

прошла на кухню, опустила светомаскировочную шторку, включила свет и принялась готовить лекарство. Затем принесла раствор и смоченной в нем марлевой салфеткой стала протирать больной глаз. Незнакомец старался ей помочь, обеими руками придерживая веки.

Вдруг женщина похолодела – на безымянном пальце его левой руки было родимое пятно, а ноготь мизинца отсутствовал. Недавно проинструктированная контрразведчиком, она подумала: «Этот человек подпадает под доведенные мне приметы и может быть агентом. Но если это действительно он» тогда у него должны быть еще и три стальные коронки на нижней челюсти. Как же это проверить? Если они есть – значит, точно немецкий шпион. Тогда я могу не выдержать, выдать себя, и этот фашист покалечит меня или убьет».

Объяснив пациенту, что надо исследовать слезную железу, которая связана с глазным яблоком и находится в районе нёба, медсестра попросила открыть рот...

«Так и есть – три коронки внизу! Теперь ясно – передо мной враг, которого разыскивают чекисты. Но что мне делать? Как сообщить, чтобы его задержали?»

Клавдия Ивановна лихорадочно искала выход из создавшегося положения, и вдруг лучик надежды высветил решение.

– Я пойду приготовлю вам полоскание, – сказала медсестра и юркнула в свою «спальню-лабораторию». Одним движе-

нием она незаметно подняла бумажную шторку, и горевший свет устремился в окно.

«Патруль может заметить нарушение светомаскировки и непременно войдет сюда», – подумала Клавдия Ивановна.

Она неторопливо готовила полоскание, а он терпеливо ждал, веря в искренность этой немолодой женщины, посвятившей себя докторской профессии. Возможно, он не знал девиза медиков – «светя другим, сгораю сам», но она действительно сгорала сейчас от нетерпения передать агента в руки военных контрразведчиков.

Клавдия Ивановна принесла ведро и стакан с раствором. Незнакомец несколько раз прополоскал горло.

– А это вам с собой. Два-три дня надо обязательно полоскать.

– Ясно... Спасибо...

И в это время она, к великой радости, услышала скрип входной двери и властный голос с порожка:

– Вы что, захотели попасть под суд?

– А что такое?

– Ваше заведение сияет рекламными огнями, словно магазин. Где маскировка? – продолжал нагонять страх начальник патруля в звании лейтенанта, вошедший с двумя краснофлотцами.

Медсестра взглянула на окно и, всплеснув руками, с воплем «Что я наделала?» устремилась в свою «опочивальню». За ней последовал лейтенант. Матросы с винтовками, слов-

но часовые, застыли у входной двери.

Я сейчас всё сделаю, – залепетала Клавдия Ивановна, – только помогите мне.

И когда лейтенант наклонился, чтобы расправить бумажную штору, она успела шепнуть ему на ухо:

– Я специально это сделала... Там, – она кивнула в сторону приемной, – сидит шпион. Его разыскивает Особый отдел...

Лейтенант внимательно посмотрел на нее, кивнул головой и, закончив с окном, вернулся в приемную.

– А вы кто будете? – спросил он у женщины.

– Это мой пациент, моряк с катера. У него воспалился глаз, – стала объяснять Клавдия Ивановна. – Хорошо, что вовремя обратился, а то бы без глаза остался.

– Ваши документы, – потребовал лейтенант.

После проверки документов выяснилось, что в них отсутствует специальный вкладыш к удостоверению, и задержанному предложили пройти в комендатуру. При конвоировании он пытался бежать, но тут же был задержан двумя патрульными, которые сбили его с ног и прижали к земле.

– Еще один подобный взбрык, и я вас пристрелю, понятно? – предупредил лейтенант.

Шпиону связали за спиной руки и доставили сначала на КПП порта, а потом – в комендатуру.

– А как же вы, Андрей Кузьмич, узнали о задержании?

– Мне сразу же позвонили из комендатуры, и я приехал, так сказать, для первого свидания с задержанным «моряком». Он сразу же признался, что его зовут Николай Прудько, что он старший шпионской группы, направляющейся в Мурманск с важным разведывательным заданием. Оказался он тем самым абверовским посланцем, которого уже несколько дней разыскивали военные контрразведчики и областное управление госбезопасности.

– Очевидно, у него была другая фамилия по легенде?

– По документам он значился Николаем Ивановичем Денисюком.

Соловьев далеко за полночь отвез шпиона в Особый отдел к майору Чижевскому, где его стали «колоть» профессионально. Теперь главная задача была найти третьего бандита – Воронова. Первый и второй сидели в изоляторе.

Решили пойти в «психическую» атаку. Разыграли небольшой спектакль, используя данные Федора Коршунова. Когда Чижевский вошел в кабинет, Соловьев громко отрапортовал:

– Товарищ майор! На допрос вызван агент фашистской

разведки Прудько Николай Филиппович, прошедший индивидуальную подготовку в Реваниемском учебном центре абвер-группы-214 под руководством начальника – капитана абвера Ройтера и руководителя центра капитана Ройло. Переброшен с разведывательным заданием вместе с агентом Вороновым Михаилом.

Этот доклад окончательно сломал немецкого агента, и он «потёк». Решил все рассказать, как есть, и чего еще не знали контрразведчики. Он, в частности, сообщил, что в их группу входили трое: он, Михаил Воронов и Федор Коршунов. Коршунова забросили, как пояснил Прудько, раньше, в конце марта, а их с Вороновым – 9 апреля.

– Что вам известно о судьбе Коршунова? – спросил Соловьев.

– Ничего.

– Где вы с Вороновым остановились? – задал главный вопрос Чижевский.

– У знакомой еще по довоенному времени бабки Евдокии Химаевой – тети Дуси, проживающей на Верхнедонской улице в собственном доме.

– Есть ли пароль на вход в дом? – задал еще один вопрос майор.

Шпион пояснил, что обычно они уходили утром и возвращались вечером, а то и ночью. Каждый тихо барабанил в кухонное окно три раза по два стука. У двери каждый откликался по имени и на названное хозяйкой произвольное чис-

ло от одного до девяти должен был добавить недостающую до двенадцати цифру. После правильного ответа хозяйка открывала дверь.

– Когда вы в последний раз виделись с Вороновым? – спросил Чижевский.

– Позавчера рано утром он отправился в район Мурманши-Кола...

* * *

Теперь, по всем правилам чекистского жанра, был срочен разработан план захвата Воронова и создана оперативная группа во главе с пограничником капитаном Савченко. Расставив посты вокруг дома, Савченко с сержантом Алашиным осторожно приблизились к входной двери, затаились и прислушались. В этот поздний час было совсем тихо, лишь из порта доносились короткие гудки буксиров и отдельные команды рабочих при разгрузке судов.

Капитан точно в соответствии с паролем постучал в кухонное окно. Через несколько минут послышались шаркающие шаги, и старческий голос спросил:

– Кто?

– Я, Николай, – полусшепотом откликнулся капитан.

– Восемь, – назвала хозяйка цифру.

– Четыре, – ответил капитан и неслышно поставил пистолет на боевой взвод.

Как только дверь стала открываться, он рывком ворвался в дом и чуть было не сбил старушку. Включил свет и, убедившись, что в доме никого нет, все же спросил:

– Кто дома?

– Я одна...

– Как вас величать?

– Евдокия Никифоровна...

– Где постояльцы?

– А кто их знает? Наверное, работают. Они же комиссованные по болезни.

Она рассказала о режиме их «работы».

– А зачем такие хитрости с паролем? – поинтересовался капитан.

– Так это же придумал Николай. Сами знаете, какое нынче время – беспокойное, военное, бандитов полно, и убить могут. А откуда вы, товарищ военный, об этом прознали?

– Бабушка, у нас служба такая! Ваши постояльцы – дезертиры, убежали с передовых позиций – предали своих боевых товарищей. Мы подождем их у вас. И не вздумайте их предупредить. Пойдете под суд!

– Что вы, что вы – все сделаю, как велите, – прошамкала беззубым ртом перепуганная старушка...

* * *

А в это время Соловьев продолжал допрашивать шпиона

Прудько. Тот подробно рассказал военному контрразведчику, как в первом же бою добровольно, с оружием в руках, перешел на сторону гитлеровцев, как в лагере дослужился до старосты барака, а потом, в январе 1942 г., согласился стать платным агентом гитлеровской военной разведки – абвера.

– Какие конкретно задания стояли перед вашей группой? – спросил Соловьев.

– Выявление новых воинских частей, характер поступающей военной техники, мер командования по укреплению оборонительных линий и возможных планов весеннего наступления, наличие самолетного парка и их характеристики. Особенно немцев интересовали маневренные, с мощным вооружением, МИГи и ЛАГГи, а также сведения о работе Мурманского торгового порта, его охраны и путях нелегального проникновения в порт агентов для совершения крупных диверсионных актов.

Соловьев подробно фиксировал все показания агента и продолжал держать шпиона в «признательном» состоянии.

– Чем объяснить, что Ройтер лично готовил вас к заданию? – спросил Андрей Кузьмич.

– Я, действительно, у Ройтера прошел индивидуальную подготовку. Кроме общей для всех программы обучения он тщательно отрабатывал мне особое, специальное задание...

– Расскажите о нем подробнее, – потребовал старший лейтенант.

– После выполнения разведзадания мой напарник Воро-

нов один должен возвратиться к Ройтеру и доставить собранные нами сведения.

– А вы?

– А я остаюсь здесь...

– И?..

– Иду в органы госбезопасности с «повинной». Заявляю, что я абверовский агент, и что, будучи патриотом Родины, шпионское задание выполнять не желаю.

– С какой целью?

– Простая цель – перевербовка... И я, в случае проявления интереса военной контрразведки, становлюсь двойным агентом – «двойником».

– Вы бы пошли на это?

– А почему нет? Пошел бы. Так как с вашей помощью я целый и невредимый прибыл бы к Ройтеру. А там и благодарная встреча, и хорошие деньги, и тихая обеспеченная жизнь. Во всяком случае, такую жизнь мне обещали, – откровенничал припертый к стенке шпион...

Допрос длился уже несколько часов. Была глубокая ночь. Оперативник настолько устал, что боялся – уснет, а его подследственный вдруг сбежит.

Закрепив показания собственноручной подписью арестованного, Соловьев вызвал конвой...

– А как задержали Воронова? – поинтересовался автор.

– Было раннее утро. С попутным товарняком Воронов приехал в Мурманск. Он побывал в одном из военных гарнизонов города. Провел разведку штаба одного из авиационных соединений. Выяснил типы, количество и места базирования боевых машин, складов военно-технического имущества, боеприпасов, горючего, расположение административных и жилых помещений. Он был доволен вылазкой. Таким же транспортом он добрался «домой» – к своей знакомой тете Дусе.

Уверенно открыл калитку и постучал условно в окошко. Через минуту раздался голос **ХОЗЯЙКИ**:

– Кто?

– Открывайте, тетя Дуся. Это я, Михаил! – весело отозвался шпион.

– Семь...

– Да ладно тебе дурака валять!

– Семь! – снова повторила хозяйка.

– Ну, пять, пять! – зло добавил гость.

Дверь медленно отворилась. Он сделал несколько шагов по

домотканой дорожке-половику, и тут же почувствовал

сильнейший удар в спину. Агент хотел сделать шаг вперед, чтобы не

потерять равновесие, но помешала подножка. Чьи-то крепкие руки заломили его левую руку за спину, да так, что он взвыл от боли. Потом шпион оказался на полу...

Скоро за участниками операции прибыла машина, в которую загрузили и пойманного предателя.

– А какова судьба Клавдии Ивановны – разоблачительницы Прудько? Ее хоть как-то поощрили?

– Обязательно. Мы приезжали к ней – простой советской труженице и настоящей патриотке. Поблагодарили и вручили большой продуктовый паек. А я за участие в этой операции получил благодарность от начальства...

Глава вторая

Долгом и честью венчанный

Сослуживец автора по Особому отделу КГБ СССР в Прикарпатском военном округе» бывший сотрудник

Смерша полковник **Константин Павлович Анкудинов** в далекие 1980-е гг. делился воспоминаниями о минувшей войне. Он был не столько свидетелем, сколько участником борьбы с агентурой противника.

В апреле 1942 г. на льду Финского залива, недалеко от стрелки Морского канала Ленинграда, раздались автоматные очереди предупредительных выстрелов. По льду прямо на порядки расположения советских войск шел краснофлотец с тремя автоматами и двумя вещмешками.

Его задержали моряки.

Допросили контрразведчики.

Он назвал себя Ушаковым Анатолием Денисовичем. Выяснилось, что задержанный военнослужащий служил во 2-й бригаде морской пехоты. При эвакуации гарнизона Таллина транспорт, на котором он шел с другими моряками, подорвался на mine и стал тонуть. Его – контуженного – подобрали немцы. А дальше – плен, лагерь, допросы и обучение.

Как настоящий патриот, он тяжело переживал случившееся. В лагере военнопленных Анатолий дал фашистам себя

завербовать для учебы в разведшколе, с надеждой таким образом вырваться из неволи. Срывая истинные цели, он прилежно учился. Это не осталось незамеченным.

Как ленинградец, он через два месяца был включен в агентурную группу, возглавляемую неким рослым якобы «капитан-лейтенантом». Он имел кличку «Николай». Фамилия его была Епифанов. Морской офицер неплохо ориентировался в Ленинграде, особенно в районе порта. Говорил, что уже раз ходил в город на Неве и встречался с семьей. У фашистов этот 35-летний верзила пользовался уважением и авторитетом.

Третьим в группе был «рядовой» Балашевич. Он использовался в качестве радиста. В начале 1942 г. группу Епифанова перевели в поселок Сиверский с заданием на «бросок» в Ленинград. Там они должны были собрать информацию о расположении кораблей Балтийского флота на Неве и в Кронштадте.

На выполнение задания абверовцы отвели двадцать дней. Они были снабжены фальшивыми документами – «возвращаются из госпиталя». Епифанов и Ушаков, согласно отработанной легенде, должны были вернуться к немцам, а Балашевич – остаться для выполнения какого-то задания в городе.

В первый раз группа вышла на задание в начале апреля 1942 г., с наступлением темноты. Шли по льду Финского залива. Епифанов потребовал, чтобы его подчиненные шли

впереди него. Анатолий радовался в душе – скоро он окажется на родине!

Но ситуация изменилась. Проблуждав целую ночь, группа вышла в район Стрельны. Епифанов струсил и убедил напарников повернуть назад. Рушились надежды Ушакова. Но он ничего не смог поделать, находясь практически под прицелом своего начальника.

Пришлось вернуться.

Немецкий офицер был явно недоволен возвратившимися агентами, не выполнившими поставленное задание. Долго фашист беседовал о чем-то наедине с Епифановым.

Через сутки тем же маршрутом группа снова двинулась в сторону Ленинграда. И опять Епифанов струсил. Он дал команду на возвращение.

– Объясним немцам, что нас обстреляли и этим маршрутом не пробиться в город, – предлагал главарь такую версию возвращения.

Балашевич покорно закивал головой.

– А ты чего молчишь? Или к своим захотел? – гаркнул Епифанов на Анатолия.

Ушаков понял, что если они вернутся второй раз, группу распустят, и он снова может оказаться в лагере для военнопленных. Ему было очевидно, что убеждать Епифанова и Балашевича – бесполезно. Он должен быть что-то решить, причем быстро и кардинально. Воспользоваться малейшей оплошностью капитан-лейтенанта...

И она нашлась.

Епифанов поднялся с привала и пошел назад, приказав двигаться за ним. Шагая за партнерами, Ушаков пришел к выводу, что у него появился шанс – открыть огонь по предателям. Он снял с плеча автомат и, максимально приблизившись к впереди идущим предателям, дал две короткие очереди.

Забрав оружие и вещмешки, он заторопился в город – к своим. Скоро его задержали моряки.

– Срочно отправьте меня в Особый отдел фронта...

– Мы допросили Ушакова, – рассказывал Анкудинов, – а потом выехали к месту ЧП. На льду лежали два трупа. Мы их осмотрели. Исследовали документы убитых, вещевые мешки. В них оказались сорок тысяч рублей, сухари, консервы, махорка и радиостанция. Навели справки об Ушакове – везде он характеризовался только положительно.

Кроме того, узнали интересные факты из биографии старшего лейтенанта Епифанова. Он действительно служил на Балтфлоте и командовал одним из вспомогательных судов. За невыполнение приказа командования по трусости в начале войны был осужден военным трибуналом на десять лет. Заключение заменили направлением в штрафной батальон, где он имел возможность искупить свою вину перед Родиной.

ной. Но Елифанов выбрал другой путь – путь предательства. Он в первом же бою с оружием в руках перебежал на сторону противника.

В дальнейшем шел подробный допрос Ушакова о структуре разведшколы, ее слушателях, планах на разведку и т. д.

Контрразведчики поняли, что перед ними человек, обладающий хорошей памятью, и к тому же патриот.

– Так к кому вы конкретно шли, можете сказать? – спросил Анкудинов.

– Шли мы на связь с агентурой, но к кому именно – не знаю, – честно ответил Ушаков. – Это мог знать только Елифанов, а он нас не посвящал в свои тайны.

Обстановка требовала быстрых решений. Если Ушаков прав, то надо было искать агентуру, а его – подготовить для заброски вновь за линию фронта. Естественно, при условии его согласия.

Потом в очерке «Выполняя сыновний долг...» Анкудинов напишет:

«Возвращение Ушакова в фашистский шпионский центр было для него делом весьма непростым: он все время стремился уйти из этого логова, а мы, наоборот, намерены были направить его обратно. Чтобы выполнять наши задания, он должен был сам проникнуться мыслью о необходимости этого. И он постепенно пришел к этому выводу, по-видав своими глазами, на какие страдания и лишения обрек-

ли фашистские изуверы жителей и защитников Ленинграда.

И все же главным для проверки оставался вопрос: действительно ли Епифанов шел в Ленинград для связи с агентурой немецкой разведки? Был ли он в феврале 1942 г. в Ленинграде по заданию фашистской разведки? Накую информацию ему удалось собрать и через кого? Возникали и многие другие вопросы. Времени же у нас было мало – всего двадцать суток, как было обусловлено противником, перед заброской группы Епифанова».

Проверкой установили, что Епифанов действительно проживал в Ленинграде. После чего оперативники пришли к выводу, что в феврале 1942 г. он мог быть в Ленинграде и встречаться с семьей, тем более об этом он говорил Ушакову.

Руководством Особого отдела Балтфлота была поставлена задача перед военными контрразведчиками: проникнуть в семью Епифановых и с помощью этих граждан выяснить интересующие вопросы.

В связи с полным доверием к Ушакову Особым отделом Балтфлота было принято решение послать на квартиру предателя опергруппу. В нее входили двое – Анатолий и оперуполномоченный Анкудинов.

Конечно, проблемы конспирации оперативников тревожили. Но в той обстановке они не имели права дать возможность безнаказанно действовать вражеской агентуре, да

и сроки отправки поджимали.

И вот этот день «Х» настал.

На звонок Анатолия дверь открыла женщина. Ею оказалась жена Епифанова. Он представился Борисом и передал привет от «Николая». Женщина восторгалась. Было видно, что пароль она знает. Чтобы женщина не опомнилась, Анатолий стал забрасывать ее информацией о муже и о том окружении и обстановке, в которой «варится» ее благоверный.

Анкудинов тоже подключился к беседе. Он передал привет от мужа, деньги и вышитый платок, который находился в вещмешке. В свое время «капитан-лейтенант» похвастался Ушакову, что перед первым возвращением из Ленинграда жена подарила ему собственноручно вышитый платок на память и удачу.

На жену это подействовало – она поняла, что «люди пришли стой стороны», а потом прямо спросила:

– Откуда вы?

– Оттуда, – ответили гости, – где обитает ваш муж.

Это сразу разрядило обстановку.

В квартире находился еще один мужик – небритый, хмурый на вид, с колючим взглядом. Он оказался братом Епифанова по фамилии Вейт-Владимиров.

И тут наступил момент истины...

Оперативники ждали, сдадут ли их властям или нет. Не сдали, значит, поверили, что они для них свои. Угостили чаем и разрешили переночевать. Это свидетельствовало, что

они заодно с «пришельцами» от немцев. Брат был чрезмерно болтлив и все рассказал о двухнедельной побывке своего родственника в феврале 1942 г., утверждавшего, что Ленинград скоро падет, и Германия одержит победу в этой войне. Жена не только поверила байкам мужа, но и согласилась с его братом помогать в сборе сведений, необходимых немцам.

Жена Епифанова служила секретарем-машинисткой в военном госпитале. Она выкрала на работе несколько чистых, с печатями, бланков удостоверений и передала мужу во время его побывки. Как у супруги бывшего флотского командира, у Епифановой сохранились широкие личные связи с военнослужащими. Через них методом выпытывания и через болтливых военнослужащих она узнавала многое из того, что интересовало гитлеровцев о Балтийском флоте, моральном состоянии в городе и работе промышленных предприятий.

Вейт-Владимиров тоже, по просьбе брата, включился в работу по сбору разведывательной информации для фашистов.

– Мы ему тогда передали много чего, – хвастался братец предателя. – Например, места швартовок подводных лодок, замаскированных под мелкие суда.

Перед оперативниками были люди, люто ненавидящие страну, в которой жили, и желающие ей поражения в войне.

Наутро оперативники распрощались с семьей Епифановых, сославшись «на дела важные, которые не терпят суеты». Однако они не раз еще навещали в гости к предателям. Анатолий негодовал и готов был чуть ли не удавить Вейт-Владимирова. Но Анкудинов его постоянно сдерживал – нельзя было погубить начатую операцию.

На одной из встреч предатель передал Ушакову план-схему расположения кораблей в порту и на Неве.

– Это для прицельного бомбометания люфтваффе, – подобострастно глядя в лицо Ушакова, пояснил он.

– Спасибо, передам нашим друзьям, – ухмыльнулся Анатолий. – Я скоро уйду, а вот мой товарищ остается. Дел непростоворот...

Было решено до поры до времени не трогать ни Епифанову, ни Вейт-Владимирова, чтобы ненароком не спугнуть немцев.

Арестуют их только в середине 1943 г. В ходе следствия выяснится, что они – дети крупного священнослужителя в дореволюционной России, лишенного после 1917 г. многих привилегий. Поэтому они люто ненавидели сталинскую власть и продались другой – гитлеровской власти. Суд воздал должное изменникам Родины с учетом военного положения.

Что касается операции – времени было в обрез. Нужно

было разработать легенду, Анатолию же – ее усвоить. По ней, он должен был рассказать абверовцам, что во время перехода в Ленинград убит Балашевич, а при возвращении – Епифанов.

Проверить эту версию гитлеровцам практически было невозможно.

После тщательного изучения в Особом отделе карты Вейт-Владимирова, по согласованию с командованием Балтийского флота, приняли решение – передать ее без всяких изменений. Правда, морякам пришлось поработать: все корабли, указанные на карте, были сняты со стоянок и укрыты в других местах, перенесены были и склады. А там, где стояли корабли, на льду соорудили их макеты из старого железа и всякой рухляди...

Переход Ушакова к немцам являлся рискованным делом, поэтому подготовку его вели в строжайшей тайне.

И вот наступила пора прощания. Поздним вечером оперативники вывели его к нужному месту. Он шел тем же путем, каким пришел, и при расставании пообещал громить врага теперь тайным оружием.

Для лучшей убежденности в «потери» шефа при возвращении, моряки и чекисты разыграли шумный бой – фашисты должны были услышать треск автоматных и пулеметных очередей и взрывы гранат.

А через сутки фашистская авиация «прицельно» отбомбилась по прежним стоянкам советских кораблей.

Всю эту музыку слышал Анкудинов и про себя подумал: «Толя Ушаков, наверное, благополучно добрался до фашистов! Значит, они поверили нашей легенде!»

Контрразведчики радовались, что дезинформация сработала. Довольны были и моряки, вовремя убравшие корабли.

Анатолий быстро вошел в доверие к немцам. Он стал преподавателем школы абвера и успел переправить только две группы перевербованных им агентов, через которых передал важную информацию.

Но потом, как стало известно от пойманных шпионов, Анатолий не рассчитал силы и был недостаточно осторожен: при попытке войти в контакт с одним из курсантов шпионской школы, оказавшимся немецким провокатором, он был разоблачен и повешен там же, в поселке Сиверском.

К сожалению, мы – потомки людей, совершивших этот подвиг, – мало знаем подробностей о них, отдавших свои жизни ради грядущей победы над фашизмом, который сегодня поднимает голову на Западе и даже на некоторых постсоветских территориях.

Глава третья

Воспоминания гуру

Для нас, даже семидесятилетних, он, участник Великой Отечественной войны, – гуру. С первого и до последнего дня этой битвы – он на фронтах в качестве сотрудника сначала Особых отделов, а потом – легендарного Смерша.

Когда **Леонид Георгиевич Иванов** приходит в Совет ветеранов Департамента военной контрразведки, вокруг него всегда выются любознательные офицеры – ветераны помоложе, не заставшие войну. Он, словно магнит, притягивает к себе своими честными рассказами о службе по линии Особых отделов – военной контрразведки.

Огромный опыт оперативной работы создает ту ауру интереса, ту притягательность к нему, во время бесед ветерана, возведенного в квадрат или даже в куб внимания за счёт участия в боевых действиях в период минувшей войны в рядах легендарного ГУКР НКО Смерш.

В годы войны в качестве оперуполномоченного Особого отдела, а затем – Смерша, он участвовал в обезвреживании более чем тридцати агентов, агентов-парашютистов и диверсантов, около десяти силовых задержаний провел в одиночку. Он – кавалер девяти боевых орденов, почетный сотрудник госбезопасности СССР.

Генерал-майор в отставке Л.Г. Иванов доступен, открыт, честен в своих воспоминаниях о тяжелейших испытаниях, выпавших на долю молодых лейтенантов, опаленных пламенем страшной войны.

Автору этих строк приходилось неоднократно встречаться и разговаривать с ним, но никогда он не выказывал менторского высокомерия. Манера его повествования такова: говорить не столько о себе, сколько о деле и товарищах – коллегах по огненной и незримой войне с тайным противником – его спецслужбами, активно работавших против нашей Родины до, во время и после войны.

Помнится, накануне 90-летнего юбилея военной контрразведки его пригласили на праздничное собрание. Несмотря на преклонный возраст и болячки, обступившие со всех сторон, он пришел, с тростью, чтобы поделиться с «молодыми» ветеранами не только воспоминаниями о давно минувших делах, но и сказать напутственное слово, кому ещё по возрасту придётся некоторое время жить в «реформаторских» условиях.

Он никогда не прислонялся к власти, называя черное – черным, а белое – белым. Особенно он резок, когда на газетно-журнальные полосы и голубые экраны телевидения попадают статьи и фильмы, часто сырые, а подчас умышленно искажающие истину о работе военных контрразведчиков в годы войны, работу которых он знает не с позиций генеральских должностей, а простого «траншейного» опера.

Именно всю черновую работу военных контрразведчиков, по его мнению, сегодня пытаются очернить те, кто совершенно безграмотен в оперативном искусстве, а потому не знает предмета исследования. К таким «шедеврам» он относит художественные фильмы «Смерть шпионам», «Штрафбат», «Сволочи» и др.

– В сегодняшней буржуазной России, – говорил Леонид Георгиевич, – нет необходимости доказывать преимущества политического и государственного образования под названием РФ над великим и могучим СССР. Но некоторые либералы пытаются это сделать. Ложь стала ремеслом многих политиков, журналистов, режиссеров, ведущих. Лгут они виртуозно – и по мелочам, и по-крупному, лгут так, что даже их западные кураторы замолкают – не то брезгливо, не то смущенно.

– Что вас подвигло для написания книги-исповеди «Правда о Смерше»? – спросил его один из ветеранов.

– Если честно (а нечестно говорить я не умею) – это клевета, которая стала в изобилии плодиться на различных, главным образом» желтых» печатных страницах в годы горбачевско-ельцинской «демократии». Клевета касалась самого святого – подвига советского солдата в годы Великой Отечественной войны.

Среди клеветников оказались люди самых различных национальностей, гордящихся своей нерусскостью, люди, чья главная, хотя и скрытая, суть в том, что свою бесталанность

и никчемность они списывают на промахи политики Советского государства...

Его прямота некоторых, быстро перекрасившихся партийных чиновников, ставших в один миг либералами, ставила в тупик их, когда он не чернил недавнее большое Отечество, а говорил о достижениях в нем.

Он подчеркивал, что государство, победившее неграмотность и разруху, не сдавшееся Антанте – целому десятку агрессивных государств, разгромившее немецкий фашизм и десяток стран его сателлитов, управляемых антисоветскими и антирусскими правительствами, и, наконец, ставшее сверхдержавой и открывшее человечеству путь в космос, не могло быть совковым.

– Как и когда вы попали в органы? – спросил его автор на одной из встреч в Совете ветеранов военной контрразведки.

– После окончания школы с отличием я поступил в Академию связи. Она располагалась тогда на шоссе Энтузиастов в доме № 109А, недалеко от завода «Компрессор». В январе 1939 г. меня пригласил на беседу оперативный работник НКВД и предложил перейти на работу в органы.

Я стал отказываться, хотелось продолжить учебу в техническом вузе. Но чекист оказался напорист, и его доводы были, наверное, более вескими. И вот так я стал учиться в школе НКВД в Сиротском переулке Москвы.

Окончил ее я тоже с отличием, и мне было присвоено зва-

ние на ступень выше. На петлице заалели три кубаря вместо двух. Я стал младшим лейтенантом госбезопасности. Оставляли в Москве, но я попросился на периферию. Попал в распоряжение НКВД УССР, а потом вместе с войсками оказался в Северной Буковине. Там я с пограничниками одной из застав встретил войну, приняв свое первое боевое крещение.

А потом была оборона Одессы, Керченская трагедия, Сталинградская эпопея, Западная Украина, Молдавия, Польша и, наконец, Германия. Я оказался в поверженном Берлине, до которого оставалось 1418 дней и ночей не простого хода, а боев с заклятым противником не на жизнь, как говорится, а на смерть, которую я видел постоянно. Она выкашивала людей пулями и осколками круглосуточно...

По словам ветерана, во время войны, особенно в начальный ее период, кроме агентуры противника большую опасность представляли изменники Родины. На сторону немцев переходили не только одиночки, но и целые группы. Были даже такие случаи, когда изменники, сговорившись, убивали своего командира и переходили на сторону немцев целыми подразделениями.

И такое бывало!

Чтобы побуждать наших людей к измене, фашисты не брезговали ни чем: вели радиопередачи на переднем крае, применяя усилители большой мощности, использовали обращения к нашим воинам изменников, разбрасывали листовки-пропуска, рисуя в них чуть ли не райскую жизнь в

немецком плену. Много времени у работников Смерша отнимала борьба с дезертирством и членовредительством.

На вопрос о самом тяжелом периоде войны, Иванов ответил: – Конечно же, Керченская трагедия при краткосрочной обороне города и дальнейшего нашего повального отступления, виновниками которого были Г. Кулик и Л. Мехлис. Были страшные картины...

«Во время одной из бомбежек из дымящихся руин выскочил человек с обожженной головой. Одно штанина его была оборвана, на колене кровоточила большая рана, один глаз висел около носа. Он прохрипел что-то вроде: «Помогите...» – и упал. В помощи он уже не нуждался...

Фронтной быт... Он был очень тяжелый. Часто шли дожди. Никаких землянок не было. Все бойцы, включая командование батальона, находились в окопах по колено в грязи. Спать приходилось стоя...

Месяцами были лишены возможности поменять белье или искупаться. Вшей было множество...

С водой было плохо. Во фляги набирали дождевую воду из воронок и клали туда для дезинфекции 2–3 таблетки хлорки...

17–18 мая противник прижал нас к берегу Керченского пролива. Велся непрерывный обстрел кромки берега, на котором находились толпы людей. Отдельные снаряды выкашивали целые отделения. Многие стрелялись, другие откры-

то выбрасывали партбилеты, кто-то срывал с себя петлицы. Там и тут валялись останки – руки, головы, человеческие ноги...

С пирса было видно, что в морской воде находится большое количество трупов, почему-то они были в вертикальном положении. Кто был в шинели, а кто в ватнике. Это были убитые или утонувшие наши люди.

Была небольшая волна, и создавалось впечатление, что они как бы маршируют. Страшная картина...»

Потом была борьба в Крыму. Со слов ветерана, большую помощь немецким войскам там оказывали татары. Они хорошо знали горную местность. А потому помогали гитлеровцам отслеживать и убивать партизан, выявляя их замаскированные склады с оружием и продовольствием. Часты были случаи, когда без всяких оснований они расстреливали людей только за то, что те были русские.

«Со мной также произошел в Крыму памятный случай в октябре 1942 г. При отходе от Перекопа наш батальон остановился в селе Изюмовка, километрах в двадцати севернее Феодосии. Утром батальон снялся и ушел, а мы с комиссаром Ковальчуком задержались.

Я зачем-то зашел в сарай, там на меня неожиданно напал здоровый татарин и стал душить. Завязалась драка. На шум прибежал комиссар Ковальчук и, изловчившись, за-

стрелил татарина...

Считаю правомерным решение Сталина о высылке татар за их многочисленные злодеяния...»

Из Крыма Иванов, назначенный старшим оперуполномоченным 4-го отделения Особого отдела отступающей 51-й армии, шел степями через Ростов к Дону, чтобы потом окунуться в Сталинградское пекло.

«Бои летом 1942 г. были горячими, в прямом и переносном смысле. Вспоминается такой случай. Однажды мы задержали одинокого человека – пожилого, интеллигентного вида, одетого в деревенские штаны, рубаху и лапти. В руках он нес висящий на веревочке горшок с водой. Спрашиваем его: кто он такой?»

Отвечает:

– Я, такой-то, командир дивизии. Дивизия была разбита в степях под Ростовом. Из личного состава многие погибли. Другие разбрелись кто куда.

Спрашиваем:

– Как вы докажете, что являетесь командиром дивизии? Старик тяжело вздохнул, сел прямо на землю и снял лапоть. Из-под стельки он достал удостоверение личности, партбилет и звезду Героя Советского Союза.

Мы не имели времени заниматься его проверкой, сказали только, чтобы он шел в направлении Сталинграда. Снабдили его картой, дали покушать...

Это было действительно опасное время для страны.

28 июля 1942 г. Сталин подписал тяжелый, но объективно необходимый приказ № 227, широко известный в народе под названием «Ни шагу назад». В приказе была заложена великая мобилизующая сила. В целом этот документ личным составом одобрялся. Он был большим подспорьем и для военных контрразведчиков».

Вот основной текст приказа № 227:

«Враг бросает всё новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвётся вглубь Советского Союза, захватывая новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге и у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа. Части войск Южного фронта, идя за паникерами, оставили Ростов и Новочеркасск без серьёзного сопротивления и без приказа Москвы, покрыв свои знамена позором.

Население нашей страны, с любовью и уважением относившееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в

ней, теряет веру в Красную Армию, а многие из них проклинают Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на восток.

...Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год. У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступить дальше – значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину.

...Из этого следует, что пора кончить отступление.

Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв.

Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности.

Не хватает порядка и дисциплины в ротах, батальонах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять Родину.

...Паникеры и трусы должны истребляться на месте.

Отныне железным законом для каждого командира,

красноармейца, политработника должно являться требование – ни шагу назад без приказа высшего командования.

Командиры роты, батальона, полка, дивизии, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Родины. С такими командирами и политработниками и поступать надо, как с предателями Родины...

...Верховное Главнокомандование Красной Армии приказывает:

1. Военным советам фронтов и прежде всего командующим фронтов:

а) безусловно, ликвидировать отступательные настроения в войсках и железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступить и дальше на восток, что от такого отступления не будет якобы вреда;

б) безусловно, снимать с поста и направлять в Ставку для привлечения к военному суду командующих армиями, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования фронта;

в) сформировать в пределах фронта от одного до трех (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить свои пре-

ступления против Родины.

2. Военным советам армий и прежде всего командующим армиями:

а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров корпусов и дивизий, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования армии, и направлять их в военный совет фронта для предания военному суду;

б) сформировать в пределах армии 3–5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (по 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной;

в) сформировать в пределах армии от пяти до десяти (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.